

Н. Г. Чернышевского

Очерки из крестьянского быта А. Ф. Писемского

СПб., 1856

Н. Г. Чернышевского. Литературная критика в двух томах

Т. 2. Статьи и рецензии 1856-1862 годов

М., "Художественная литература", 1981

Подготовка текста и примечания Г. Н. Антоновой, Ю. Н. Борисова, А. А. Демченко, А. А. Жук, В.

В. Прозорова

[OCR Бычков М. Н.](#)

Давно известно, что написать хорошее произведение можно только тогда, когда пишешь о предмете, хорошо известном. При отсутствии же знакомства с делом не спасет ни талант, ни ум: произведение будет иметь разве риторическую красоту, но не будет иметь ни поэтического достоинства, если вы поэт или беллетрист, ни ученой цены, если вы хотели написать что-нибудь в ученом роде. За примерами ходить недалеко. Например, г. Писемский пишет прекрасные рассказы из простонародного русского быта -- это потому, что он хорошо знает простонародный русский быт. А если бы тот же г. Писемский вздумал написать повесть из быта готтентотов или бразильцев, повесть, при всем его таланте, была бы дурна, потому что быт готтентотов или бразильцев известен ему только по чужим слухам, которые не могут заменить собственного знания. Впрочем, как человек очень умный, г. Писемский никогда и не вздумает писать рассказы из бразильской жизни, в этом, конечно, можно быть уверену.

Когда видишь какой-нибудь прекрасный пример, невольно думаешь: почему не все подражают ему? Почему, например, все не пишут только о том, что знают? Особенно навязчиво приходит на ум такой вопрос, когда видишь, что именно прекрасный пример подает кому-нибудь случай поступать вовсе не по тому правилу, благодаря которому возник этот прекрасный пример. Хотя бы вот именно "Очерки из крестьянского быта", написанные с большим знанием дела, подают случай к сочинению статей, написанных вовсе без знания того дела, которого касаются². Например, что хорошего было бы, если бы вы, читатель, никогда не изучавший плотничного дела, вздумали написать по поводу "Плотничьей артели" рассуждение о плотничном деле?

О плотничном деле, конечно, никому не придет в голову писать, не зная его: предмет не заманчивый, не блистательный. Но есть предметы более заманчивые -- и об них-то без всякого знания написаны целые статьи по поводу книги г. Писемского.

Есть на свете наука, называемая эстетикою. Хорошие книги по этой науке написаны на немецком языке. Ни на французском, ни на английском языках хороших трактатов об этой науке нет³. Предположим теперь, что вы не приобрели привычки читать немецкие книги -- преступного тут ничего нет, но согласитесь сами, что если бы вы захотели следовать прекрасному примеру г. Писемского, пишущего только о том, что он хорошо знает, вы не стали бы писать об эстетике, которой не можете знать хорошо, не читав немецких трактатов об этой науке.

Предположим теперь, что наперекор прекрасному правилу, соблюдаемому г. Писемским, вы вздумали именно по поводу его книги рассуждать об эстетике, с которой мало знакомы, -- что было бы тут хорошего?

Сделаем еще другое предположение. Чтобы определить значение г. Писемского в развитии русской литературы, надобно хорошо знать историю русской литературы. Предположим, что вы ее не совсем знаете, а между тем вздумали определять значение г. Писемского в развитии русской литературы -- опять вы нарушили бы прекрасное правило, о котором говорено выше, и не сделали бы ничего хорошего.

Не только для вас, но и для г. Писемского, книгою которого вы пользуетесь для развития ваших соображений об эстетике и русской литературе, нарушение вами прекрасного правила, упомянутого выше, имело бы неблагоприятные следствия. Его повестями вы оправдываете ваши ошибочные понятия о вопросах искусства -- какое заключение может иной читатель вывести из гармонии, находимой вами